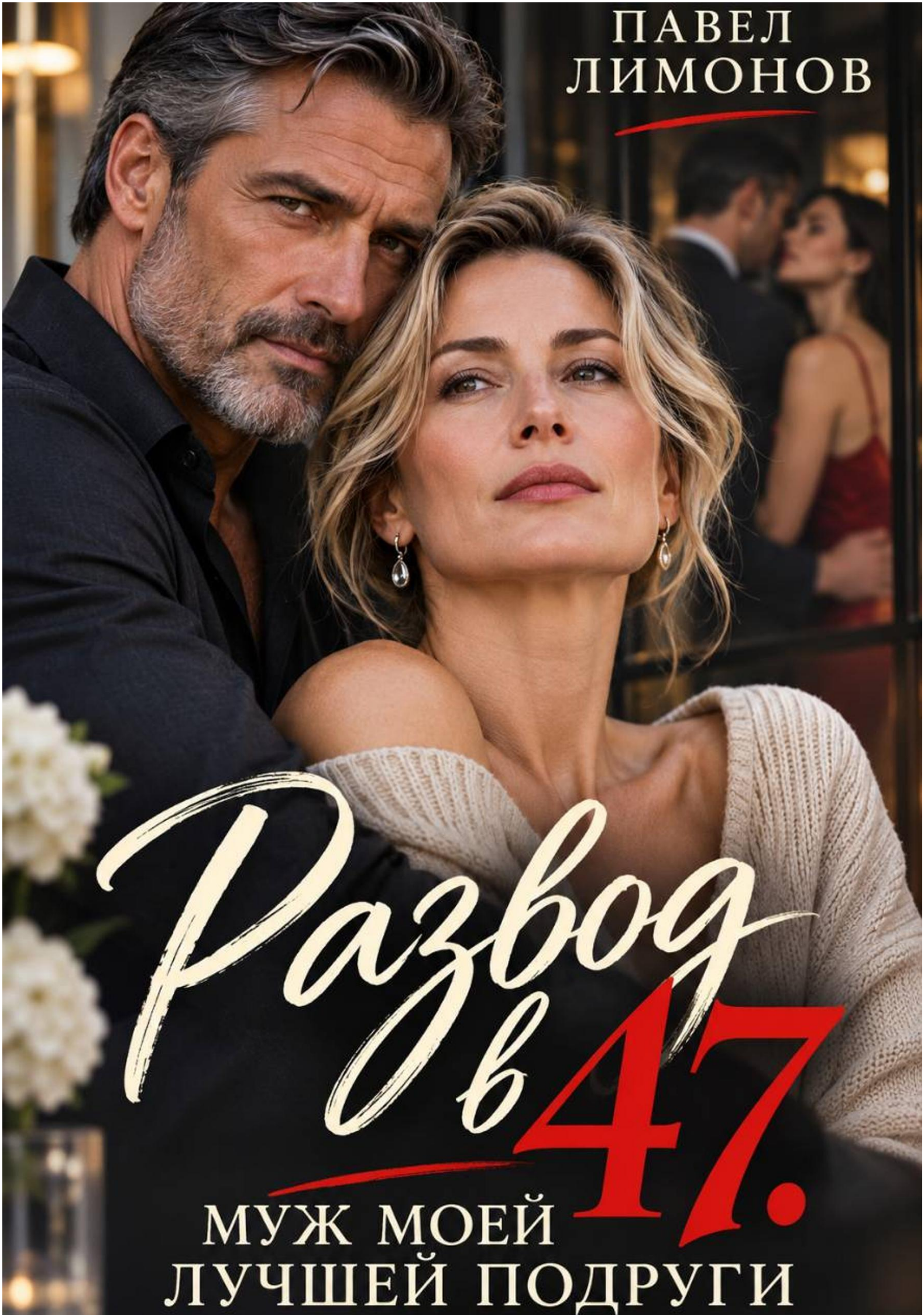
ПАВЕЛ
ЛИМОНОВ
Развод в 47.
МУЖ МОЕЙ
ЛУЧШЕЙ ПОДРУГИ

Павел Лимонов

Развод в 47. Муж моей лучшей подруги

«Автор»
2026

Лимонов П.

Развод в 47. Муж моей лучшей подруги / П. Лимонов — «Автор», 2026

На серебряную свадьбу лучшая подруга приехала раньше остальных гостей.
— Лена, мы с Сергеем любим друг друга.Полтора года она спала с моим мужем, сидела за нашим столом, выслушивала мои откровения и поздравляла нас с семейными праздниками.В тот вечер я выставила Сергея за дверь и позвонила ее мужу. Оказалось, Андрей давно знал об измене. Знал и молчал.В сорок семь лет я осталась без мужа и без женщины, которую двадцать два года считала родной.Меньше всего я хотела новых отношений. Особенно с Андреем. Но почему рядом с ним я снова чувствовала себя желанной? Почему ждала его звонков и ловила себя на мыслях, которых еще недавно постыдилась бы?А когда Сергей захотел вернуться, я уже знала, в чьих объятиях мечтаю просыпаться.Только смогу ли я довериться мужчине, который однажды уже предпочел молчать?

© Лимонов П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серебро 5
Глава 2. Шесть недель 14
Глава 3. Майские без гостей 22
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Павел Лимонов
Развод в 47. Муж моей лучшей подруги

Глава 1. Серебро

Марина не стала снимать плащ. Прошла за мной на кухню и остановилась у стола, прижимая сумку к животу. Я открыла посудомойку, достала последнюю чистую рюмку и посмотрела на часы над холодильником. До семи оставалось больше двух часов.

— Ты рано. Я еще даже не переоделась. Кофе будешь?

— Лена, мне надо с тобой поговорить.

— Давай. Только я заодно картошку почищу, ладно? Сережа обещал помочь, но у него перед праздниками опять все срочно.

Я пододвинула ей табурет, а сама потянулась за миской. Марина не села. На лацкане ее плаща криво лежал ремень сумки; обычно она сразу поправляла такие вещи.

— Мы с Сергеем вместе, — сказала она.

Миска застряла между двумя кастрюлями. Я освободила ее, поставила на стол и только после этого повернулась.

— Что?

— У нас отношения. Давно.

Я смотрела на Марину, пытаясь понять, какую часть разговора пропустила. На ней были новые серьги, маленькие золотые кольца. Три дня назад она прислала мне фотографию из магазина и спросила, не слишком ли они простые.

— С каким Сергеем?

Едва произнеся это, я пожалела. Вопрос прозвучал так, будто она могла назвать другого человека и мы обе с облегчением занялись бы картошкой.

— Лена.

— С моим мужем?

Она кивнула.

В посудомойке еще стоял жар. Я закрыла дверцу, придержав ее ладонью.

— Ты сейчас серьезно?

— Разве я стала бы таким шутить?

Я бы и этому вопросу еще минуту назад нашла ответ. Теперь не могла поручиться ни за что.

Марина поставила сумку на свободный стул. Я машинально проследила, не попала ли металлическая застежка на деревянную спинку. Эти стулья я закончила перед Новым годом. А в гостиной стоял отцовский стол, который я привезла из мастерской только в воскресенье. Утром накрыла его светлой скатертью и поставила в середину низкую вазу: Сергей не любил, когда цветы мешали видеть собеседника.

— Сядь, — сказала я.

Марина осторожно опустилась на табурет. Я осталась стоять у мойки, прижав ладони к прохладному краю.

— Что значит «давно»?

— Полтора года.

Я переспросила.

Она повторила, уже тише, и отвернулась к окну. У подъезда кто-то долго пытался завести машину. Я слушала стартер и не знала, о чем спросить дальше.

— Полтора года, — сказала я. — Значит, прошлым летом тоже?

— Да.

Мы провели вместе десять дней на море. Снимали соседние номера, ходили завтракать, спорили из-за пляжа. Марина обгорела в первый же день, и я мазала ей плечи, пока она сидела на моей кровати в белом белье и жаловалась, что Андрей опять читает рабочую почту.

Меня затошнило. Было страшно, что сейчас вырвет перед ней и она встанет, подаст воду, начнет гладить по спине. Я помнила, как она это делала, когда мы ждали врача у маминой больничной палаты.

— Зачем ты мне говоришь?

Марина подняла голову.

— Потому что ты должна знать.

— Сегодня?

— Он обещал поговорить с тобой до годовщины. Я ждала. До последнего ждала, что он сам все объяснит.

Она быстро провела пальцем под глазом. Тушь не потекла, но на пальце осталась черная точка.

— У вас двадцать пять лет. Я понимаю. Именно поэтому он и тянет. Но так больше нельзя.

Мне хотелось спросить, когда именно стало нельзя. На море? За новогодним столом? В феврале, когда Сергей привез мне из командировки магнит, хотя я давно просила не покупать эту ерунду? Магнит висел на холодильнике рядом с Дашиной фотографией. Маленькая башня, облупившаяся на одном углу.

— В феврале он ездил в Казань, — сказала я.

Марина ничего не ответила.

— У вас в клинике тогда было обучение. Ты еще мне звонила из гостиницы. Сказала, что потеряла сережку.

Она злилась, что уборщица могла выбросить украшение вместе с салфетками. Я советовала сначала оставить свой номер на стойке.

— Ты была с ним?

— Мы там встретились.

— А обучение было?

— Было.

Я кивнула, как будто это что-то поправляло. Значит, хотя бы обучение было. А я еще искала для нее телефон гостиничной администрации.

— Он был в номере, когда ты со мной разговаривала?

— Зачем тебе это?

— Ответь.

Марина сцепила руки на коленях.

— Он вышел.

Я посмотрела на магнит. На обороте оставалась цена, я видела ее, когда протирала холодильник. Девяносто рублей. Сергей тогда сунул магнит мне в ладонь и поцеловал в висок: «Чтобы не говорила, что я о тебе забыл».

— Господи, — сказала я и села на свободный стул.

Марина потянулась ко мне. Я отодвинула руку раньше, чем она успела коснуться.

— Не надо.

— Я не хотела, чтобы ты вот так узнала.

— Ты сама пришла.

— Потому что он бы опять ничего не сказал! Сегодня праздник, завтра выходные, потом у тебя заказ, потом у Даши что-нибудь. У него всегда находится причина.

В ее голосе впервые появилось знакомое раздражение. Так она рассказывала о враче, который снова перенес прием и оставил ей объясняться с пациентами. Я почти увидела, как мы обсуждаем Сергея вдвоем, как я киваю и подсказываю, что ему ответить. Она тоже, кажется, на секунду вернулась к этому привычному способу говорить со мной.

— Ты ведь знаешь его, — добавила Марина.

Я подняла глаза.

Она замолчала.

— Значит, ты пришла, чтобы я его выгнала?

— Я пришла сказать правду.

— И что теперь должно случиться?

— Это вам решать.

— Вам? Ты только что сказала, что вы вместе.

Марина наконец сняла плащ. Под ним было темно-синее платье. Она пригладила ткань на коленях.

— Лена, я люблю его. Я понимаю, что для тебя это...

— Не продолжай.

Некоторое время мы сидели молча. Потом я потянулась за своим телефоном, лежавшим у хлебницы. Последним сообщением от Сергея было: «Возьму по дороге лед. Еще что-то надо?»

Утром я напомнила ему про лед, потому что в морозилке не оставалось места. Он стоял в ванной, брился и возмущался: столько готовки на шесть человек, можно же было заказать еду. Потом подошел сзади, обнял меня за плечи и спросил, что ему надеть. Мы выбирали между двумя рубашками. Я сказала, что голубую, она ему идет.

Я набрала его номер.

— Лен, я еще в офисе, — ответил он. — Через полчаса выезжаю.

— Приезжай сейчас.

— Что случилось?

— Марина у нас.

В трубке стало тихо. Он не переспросил, зачем она приехала так рано. Не сказал, чтобы мы начинали без него резать салат. Я слышала, как он отошел куда-то и закрыл дверь.

— Лена, дай мне с ней поговорить.

— Сам позвони. А мне нужно, чтобы ты приехал.

Сергей сразу перезвонил, но я не ответила. Через несколько секунд зазвонил телефон Марины. Она сбросила вызов.

— Теперь ты веришь? — спросила она.

До этого вопроса мне казалось, что уже верю. Но пока он не попросил дать трубку Марине, я все еще ждала другого объяснения.

Я открыла духовку и вынула противень с курицей. От горячего пара запотели очки, соскользнувшие с головы на нос. Я сняла их и положила на подоконник.

— Ты обожжешься, — сказала Марина.

Я выключила духовку и открыла окно. Во дворе мужчина на лавочке говорил по телефону, отмахиваясь от голубя. Мне хотелось выйти из дома, дойти до магазина и вернуться, как будто этот вечер еще можно было начать заново.

— А Андрей? — спросила я, не поворачиваясь.

Марина ответила не сразу.

— С Андреем я сама поговорю.

— Он к семи придет?

— Не знаю. Он говорил, что задержится.

Я кивнула. В последнее время Андрей действительно много работал. По крайней мере, Марина так говорила. Еще вчера жаловалась, что одна ужинает. Я предложила забежать к нам, но она отказалась: устала.

На столе в гостиной лежали мамины серебряные ложки. На каждую годовщину я доставала их из синего футляра. Утром натерла их мягкой тряпкой, разложила по одной у каждой тарелки.

Марина сидела неподвижно. Ее сумка сползла на край стула, но она не поправляла. Я знала, что мне достаточно сказать: «Уходи», — и она уйдет. Только тогда я останусь ждать Сергея одна. Пока я не могла этого сделать.

Он приехал быстро. Я услышала машину во дворе, потом шаги на лестничной площадке. Ключ с первого раза не попал в замок. Мы обе подняли головы, и мне стало стыдно за то, что я заметила это одновременное движение.

Сергей вошел с пакетом из магазина. Сквозь тонкий пластик виднелись две пачки льда. Держал пакет неловко, оттопырив руку, чтобы не намочить брюки.

— Что здесь происходит?

Я сидела у стола, Марина уже поднялась. Сергей поставил пакет у порога, снял куртку. Промахнулся мимо крючка, поднял ее с пола. Он был испуган; за все годы нашей жизни я редко видела его таким.

— Это правда? — спросила я.

Он провел ладонью по затылку.

— Лена, нам надо поговорить спокойно.

— Я спокойно спрашиваю.

Марина шагнула к нему.

— Сережа, я больше не могла.

— Я тебя просил подождать.

Он сказал это ей, глядя ей в лицо. Я сидела рядом с собственной плитой, в домашних джинсах и старой рубашке, и ждала, когда они закончат выяснять, почему я узнала об их отношениях не в назначенный срок.

— Ты просил до конца недели, — сказала Марина. — Потом до среды. Потом опять...

— Хватит, — произнесла я.

Они посмотрели на меня. Сергей сделал шаг в мою сторону, но остановился у стола. Между нами стояла миска с картошкой.

— Полтора года? — спросила я.

— Да.

Я услышала это короткое слово отчетливо. Сразу захотелось задать еще десяток вопросов: где они встречались, кто написал первым, сколько раз он уходил из нашей спальни, чтобы позвонить ей. Я никак не могла выбрать, с какого начать.

— Ты собирался сегодня со мной праздновать?

— Даша столько готовилась. Они с Никитой что-то придумали. Я не хотел...

— Ты собирался?

— Да. А потом поговорить.

Я тихо рассмеялась. Воздуха для смеха не хватило, получилось несколько коротких выдохов.

— После торта?

— Не издевайся. Я понимаю, как это звучит.

— Нет. Не понимаешь.

Марина стояла сбоку от него. Он все еще не снял ботинки. По плитке тянулись мокрые следы, под пакетом со льдом собиралась вода.

— Лен, — сказал Сергей, — давай сейчас без решений. Марина уйдет. Мы немного придем в себя. До семи еще есть время.

— Для чего?

Он замолчал.

— Ты хочешь, чтобы они пришли?

— Дети ни в чем не виноваты.

— Поэтому я должна накормить их ужином и поднять бокал?

— Я этого не говорил.

— А что ты говоришь? Объясни мне нормально. Я никак не могу понять.

Он потер лоб. Марина отвернулась к окну, будто этот разговор ее уже не касался.

— Я не хочу, чтобы Даша узнала вот так, — сказал Сергей. — По телефону, на бегу. Можно хотя бы сегодня не втягивать ее?

— Я не собираюсь рассказывать ей, где ты был в феврале.

Сергей быстро посмотрел на Марину. Та прижала губы друг к другу.

Я встала. Ноги затекли так, словно просидела несколько часов. Открыла общую переписку. Шесть участников. Даша еще утром прислала фотографию моего свадебного платья и спросила, сохранилось ли оно. Я ответила, что лежит на антресолях и ей в нем будет коротко.

Я набрала: «Сегодня не собираемся. Пожалуйста, не приезжайте. Со здоровьем все в порядке». И отправила, пока Сергей не успел заглянуть в экран.

— Что ты написала?

— Что ужина не будет.

— Лена, ну зачем так сразу?

Марина прочла сообщение на своем телефоне. Сергей по-прежнему ждал, что я объясню свое решение.

Зазвонила Даша.

Я вышла в спальню и закрыла дверь. На кровати лежало зеленое платье, которое я выбрала еще вчера. Рядом — тонкие колготки в нераспечатанной упаковке. Я села на край, прижав платье бедром.

— Мам, что случилось? — спросила Даша. — Я уже собираюсь.

— Не приезжай сегодня.

— Почему? Вы заболели?

— Нет. Я же написала.

— Мало ли что ты написала. Папа дома?

Я посмотрела на дверь. Из кухни доносился негромкий голос Сергея. Слов было не разобрать.

— Дома.

— Вы поругались?

У меня задрожала нижняя губа. Я сильно прижала ее пальцами, стараясь сделать вдох через нос. Даше было двадцать три, она жила отдельно и сама решала свои проблемы. Но ее голос сейчас был таким же, как в детстве, когда она спрашивала из коридора, за что я сержусь на папу.

— Мы расходимся, Даш.

Она не ответила сразу.

— В смысле?

— У нас с папой... Я не могу сейчас объяснять. Прости. Мне надо побыть одной.

— Так я приеду. Мы ничего не будем объяснять. Просто приеду.

Я закрыла глаза. Мне очень хотелось, чтобы она приехала, села рядом, обняла меня. Я знала, что начну говорить, как только она возьмет меня за руку. Скажу все, чего не хотела бы произносить при дочери, а потом буду смотреть, как она слушает.

— Пожалуйста, сегодня не надо. Дай мне этот вечер.

— Ты уверена?

— Да. Сегодня хочу одна.

— А папа?

— Он уйдет.

Я сказала это прежде, чем решила, как попрошу Сергея уйти. В трубке послышался тяжелый Дашин вздох.

— Позвони мне потом. Хоть на минуту. Или напиши. Только не пропадай.

— Напишу.

Я поблагодарила ее и закончила разговор. На экране появилось сообщение от Никиты: «Тетя Лена, помощь нужна?» Я ответила, что нет, и попросила простить за отмененный вечер. Он прислал: «Хорошо. Если что, звоните».

Я положила телефон на кровать. На подушке Сергея осталась складка. Я утром не поправила ее, потому что торопилась, и теперь разгладила ладонью, а потом отдернула руку. Я наконец заплакала и несколько минут просидела на краю собственного праздничного платья. Дышать мешал заложенный нос. В ванной умылась холодной водой и некоторое время держала ладони у щек.

Когда я вернулась, Марина застегивала плащ, а Сергей держал ее сумку. Он и мне всегда так помогал, придерживал ручки, чтобы я могла просунуть руку в рукав. При моем появлении он поспешно отдал сумку Марине.

— Я пойду, — сказала Марина.

Я кивнула.

— Лена, мне правда жаль.

Она смотрела на мои глаза, и я отвернулась, чтобы не доставить ей еще и возможности увидеть, как снова начну плакать.

— Иди.

— Мы сможем потом...

— Я не знаю. Сейчас иди.

Марина взялась за дверную ручку. На секунду задержалась, повернулась к Сергею. Он стоял у обувной тумбы и молчал. Она вышла одна.

Я слушала, как удаляются ее шаги, потом закрыла дверь. Сергей по-прежнему был в ботинках.

— Сними, — сказала я.

Он послушно наклонился к шнуркам. Я устало оперлась плечом о стену. Даже сейчас мне хотелось, чтобы он перестал топтать пол, и я сказала это раньше, чем главное.

— Возьми, что тебе нужно на ночь, и уезжай.

Сергей выпрямился, держа в руке один ботинок.

— Давай я хотя бы останусь на диване. Ты сейчас одна не должна...

— Должна что?

— Лена, я вижу, в каком ты состоянии.

— Тогда не заставляй меня еще объяснять.

Он глянул в сторону спальни, и я испугалась, что он напомнит: квартира тоже его. Если бы Сергей отказался уходить, я не знала, что делать. Наверное, закрылась бы в ванной.

— Хорошо, — сказал Сергей. — Я возьму номер. Завтра приеду, поговорим.

— Сначала позвони.

Он открыл рот, потом кивнул и пошел за вещами. Я вернулась на кухню и поставила пакет со льдом в мойку. Из прихожей тянулся мокрый след. Вытирать его я не стала.

Сергей появился с дорожной сумкой, в которой обычно возил вещи на две-три ночи. Я знала, в каком боковом кармане лежит запасной шнур для телефона. Подарила ему эту сумку сама, когда у старой разошлась молния.

— Я никогда не хотел тебя обидеть, — сказал он.

— А что ты хотел?

— Я запутался.

— Полтора года?

Он поставил сумку на пол.

— Не все было плохо, Лена. У нас с тобой. Ты же не скажешь, что все эти годы...

— Я ничего такого не говорила.

Он замолчал. Я почувствовала, что начинаю злиться сильнее, чем при Марине. Он уже защищал от меня нашу общую жизнь, как будто это я собиралась ее обесценить.

— Я еще вчера думала, что у нас все хорошо, — сказала я. — Понимаешь? Вчера. Даже сегодня утром.

Сергей сел напротив. Я слишком устала сразу потребовать, чтобы он поднялся.

— У нас давно все как-то... — начал он и остановился.

— Как?

— Да не знаю я. Работа, дом. Ты в мастерской все время. Я прихожу — ты еще там. Потом еле живая ложишься.

Я вспомнила последние три дня. Шесть кресел и две скамьи, привезенные для гостиницы, заняли почти все помещение. Мы с Верой принимали мебель, фотографировали повреждения, начали разбирать первые два кресла. Я возвращалась поздно, рассказывала Сергею о работе на два месяца. Он спрашивал, разогреть ли мне ужин.

— Ты хотел, чтобы я раньше возвращалась?

— Я сейчас не об этом.

— А о чем?

Он взял бумажную салфетку, сложил пополам, потом еще раз.

— Между людьми иногда что-то происходит. Я не умею объяснить.

— Попробуй.

— Ты все равно сейчас не услышишь.

Я смотрела на него, пока он не отвел глаза. Слезы опять мешали говорить, и мне пришлось подождать.

— Почему ты мне ничего не говорил? — спросила я. — Я ведь спрашивала, что с тобой. Ты отвечал: на работе устал.

— Я тебя не обвиняю.

— Тогда не надо про мастерскую.

Я выбросила скомканную салфетку и осталась стоять. Сидеть с ним за столом и выслушивать очередное объяснение я больше не могла.

— Уезжай. Пожалуйста.

На этот раз он взял сумку сразу. В прихожей долго завязывал шнурки, потом искал телефон. Я принесла его с кухни и протянула экраном вниз. Сергей машинально сунул руку в карман за ключами. Кольцо звякнуло о металлическую пряжку сумки.

— Я позвоню, — сказал он.

— Хорошо.

— Лен...

Я открыла дверь. Он еще немного постоял на пороге, потом вышел. Я мучительно пыталась вспомнить, что же такое важное еще хотела ему сказать, но закрыла дверь, так ничего и не придумав.

В квартире стало слышно часы. Я не сразу поняла, откуда идет этот звук: обычно он терялся за телевизором, водой, нашими разговорами. На кухне стрелка подходила к семи. Курицу я приготовила вовремя.

В спальне я повесила платье в шкаф, убрала колготки в ящик и закрыла дверцу, не глядя на полку Сергея.

Потом села за стол в гостиной. На шести тарелках лежали салфетки, которые я складывала по найденной Дашей картинке. Мне нравилось, как получилось. Я сняла ближайшую салфетку, расправила и оставила на коленях.

Под столешницей сохранились насечки от циркуля: в детстве я пробовала, острый ли. Когда снимала старое покрытие, нащупала их и не стала трогать. Теперь провела пальцами по дереву снизу. Отец сидел со мной за этим столом, проверял задачи. Я вдруг очень захотела, чтобы он мог сейчас сесть напротив.

На телефоне было несколько уведомлений. Даша написала: «Ты как?» Я ответила: «Папа уехал. Я дома. Все нормально». Последние два слова стерла. Вместо них набрала: «Напишу перед сном».

Вера спросила, будем ли завтра работать. Я написала, чтобы отдыхала, и еще раз открыла общую переписку: вдруг Сергей что-то ответил?

В группе никто не разговаривал. Под моим сообщением стояли отметки о прочтении.

Мне захотелось позвонить Марине. Желание возникло так быстро и привычно, что я уже открыла список недавних звонков. Ей бы я рассказала, как Сергей держал сумку, как заговорил про мастерскую, как принес лед. Она бы сначала выругалась, потом спросила, ела ли я, и приехала с чем-нибудь горячим, не дожидаясь ответа.

Я положила телефон на скатерть и прижала ладони к глазам. Слезы снова потекли между пальцами. До этого я плакала о Сергее и о себе, а теперь не могла перестать вспоминать Марину в моей кухне, за моим столом, в маминой больничной палате. Я не знала, куда девать все это хорошее. Оно осталось, хотя после сегодняшнего разговора мне хотелось отказаться от него целиком.

Курицу я убрала в холодильник. Попробовала съесть кусок хлеба, но не смогла проглотить без воды.

Андрей прочел сообщение об отмененном ужине, но ничего не ответил. Мне нужно было ему позвонить. Где он сейчас, я не знала. Неделю назад Марина говорила, что он работает на каком-то объекте и возвращается поздно.

Возможно, она уже все рассказала. Возможно, ждала, пока я первой объяснюсь со своим мужем. Я села на табурет и нашла номер Андрея. В последний раз звонила ему в марте: Сергей оставил в его машине очки. Тогда мы поговорили меньше минуты.

Сказать такое чужому мужу оказалось страшнее, чем попросить собственного уехать. Вдруг Марина уже придумала для него другое объяснение? Я едва не стала жалеть ее опять. Нажала вызов.

Андрей ответил после третьего гудка.

— Лена?

— Ты можешь говорить?

— Да. Что случилось?

Я посмотрела на кухонное окно. За стеклом начинало темнеть; на фоне двора проступало мое отражение с телефоном у уха.

— Ужин отменился, — сказала я, хотя он уже получил сообщение. — Ты видел?

— Видел.

— Я не знаю, как тебе сказать. Марина сегодня приезжала. Она и Сергей... У них отношения. Я только сегодня узнала.

В трубке помолчали.

— Лена, я знаю.

Глава 2. Шесть недель

Я проснулась в половине шестого оттого, что кто-то передвинул стул этажом выше. Полежала, прислушиваясь к соседским шагам, потом повернулась на другой бок. Простыня под рукой была прохладная. Сергея не было.

Вчера Андрей предложил встретиться в кафе возле набережной. Мы не раз заходили туда всей компанией. Я даже помнила, какой там кофе, словно меня ждала обыкновенная встреча со старым знакомым.

Я встала, надела халат и прошла в гостиную. За ночь ничего не изменилось: в вазе стояли тюльпаны, по скатерти тянулась тонкая складка, которую вчера я так и не сумела разгладить. Солнце падало на край стола, накрытого на шестерых. Вчера вечером я убрала только ту салфетку, что лежала у меня на коленях.

Я убрала посуду и сложила серебряные ложки в футляр. Одна лежала возле бокала Марины. На нашей двадцатой годовщине она поднимала тост за то, чтобы мы с Сергеем дожили вместе до восьмидесяти. Я захлопнула крышку.

На кухне сварила кофе и открыла переписку. Сергей написал в семь минут первого: «Я в гостинице. Завтра позвоню». От Даши было сердечко под моим вечерним сообщением.

Я написала дочери, что проснулась и собираюсь по делам. Через несколько минут она позвонила.

— Мам, я сейчас к тебе приеду.

— Ты в такую рань зачем встала?

— Плохо спала. А ты?

— Тоже. Но я сегодня не буду дома до обеда.

— Куда ты собралась?

Если бы я сказала, что иду к Андрею, пришлось бы объяснять его отношение к нашей с отцом ссоре. Мне не хотелось сообщать ей правду по частям.

— Надо кое с кем поговорить. Давай я сама наберу тебя, когда вернусь.

— Папа мне написал. Сказал, что вы пока решили пожить отдельно.

— Он так сказал?

— Ну да. Мам, у вас что, давно что-то не так было? Почему я ничего не знала?

Вот и я не знала. Можно было ответить этой фразой и повесить трубку, но Даша ждала объяснения от матери, которой обычно удавалось разобраться в любом семейном недоразумении.

— Для меня это тоже стало неожиданностью. Я тебе расскажу, только не по телефону.

— Ты точно одна справишься?

— Справлюсь. Лучше поспишь еще немного.

— Ну какой теперь сон.

Она вздохнула. Я пообещала связаться после обеда и закончила разговор. Кофе остыл; я выпила несколько глотков и собралась одеваться.

В шкафу висела голубая рубашка, которую мы вчера выбрали Сергею к ужину. Я перевесила ее на его сторону. Сегодня мы собирались позавтракать в городе и сходить на ярмарку.

Я пошла пешком. На центральной улице торговали шарами и цветами. Две девочки в одинаковых куртках тянули отца к киоску с мороженым, а он убеждал их, что в десять утра нормальные люди мороженое не едят.

В витрине я увидела знакомый силуэт и на секунду испугалась, что это Марина. Женщина обернулась, и я поняла, что обозналась.

Андрей ждал у входа в темной ветровке, без привычного портфеля. Увидев меня, убрал телефон.

— Здравствуй.

Мы выбрали столик в глубине зала. За стойкой официантка протирала стаканы и подпевала негромкой музыке.

Андрей снял ветровку. Как всегда, вытер салфеткой мокрый стол перед тем, как положить на него телефон. За двадцать два года я успела запомнить у него десятки таких мелких привычек.

— Что будешь? — спросил он.

— Чай. Наверное.

Андрей заказал черный кофе, я попросила чай с лимоном.

— Ты спала хоть немного?

— Неважно. Когда ты узнал?

Он подвинул сахарницу в сторону, освобождая место для чашек.

— Девятнадцатого марта.

Я посмотрела на него, потом на окно, за которым по тротуару шли люди.

— Какого марта?

— Девятнадцатого.

Я принялась считать. Март, остаток апреля. Остановилась, открыла календарь в телефоне и прокрутила экран назад. Девятнадцатое марта. Вчера было тридцатое апреля. Шесть недель.

— Что-то я не понимаю. Ты вчера сказал, что знаешь, а я подумала... Ну, она тебе после меня позвонила или накануне рассказала.

— Нет. Я раньше узнал.

— Настолько раньше?

Он кивнул.

Я убрала телефон в сумку. Девятнадцатого марта я возила машину на техобслуживание и вечером рассказывала Сергею, сколько теперь стоят тормозные колодки.

— Как ты узнал?

— У нас дома компьютер общий. Я сел посмотреть документы, а там переписка осталась открыта. Марина до этого пользовалась им. Пришло сообщение.

Он помолчал, посмотрел в сторону стойки.

— Я спросил ее, что происходит. Она сначала сказала, что я неправильно понял, потом призналась.

— Сразу сказала, что полтора года?

— Нет. Сказала, что несколько месяцев. Про полтора года я узнал позже.

Официантка принесла поднос. Поставила чайник, чашку кофе, пустую чашку для чая и блюдце с ломтиками лимона. Я дождалась, когда она уйдет, и налила себе чай. Рука дрожала, но почти незаметно. Ложечка звякнула о край чашки.

— И что ты сделал?

— Мы поговорили. Несколько раз. Она обещала, что прекратит отношения с ним.

— А ты поверил?

— Хотел поверить.

Он произнес это без особого выражения. Я ждала продолжения, а он взял чашку, сделал глоток и поставил на стол.

— И ты решил остаться с ней?

— Я думал, что еще можно разобраться с нашим браком. Марина говорила, что давно недовольна тем, как мы живем. Я много работал, мы почти перестали куда-нибудь ходить вдвоем. Предложил попробовать что-то изменить.

— И при чем здесь я?

— Лен...

— Нет, подожди. Вот вы выяснили, что у вас в семье что-то плохо. А у нас с Сергеем кто собирался выяснять? Я когда должна была узнать?

Он потер пальцем переносицу.

— Я сказал Марине, что тебе надо рассказать. Она попросила время. Говорила, что сама с тобой поговорит, когда все закончится.

— И шесть недель рассказывала?

Мне стало трудно сидеть на месте. Я отодвинула чашку. Вчера в собственной кухне я еще могла подумать, что Марина сорвалась, что признание застало обоих мужчин врасплох. Теперь оказалось, что один из них уже успел выслушать объяснения, обдумать случившееся, договориться с женой и даже пожить с этой договоренностью.

— Сергей знал? — спросила я.

Андрей посмотрел мне в лицо.

— Да. Марина ему сказала.

— Когда?

— В первые дни. Не знаю точно, когда они поговорили. Она сказала мне, что Сергей в курсе.

Я отхлебнула чай, обожгла язык и поставила чашку обратно.

— Девятого апреля мы к вам приходили. Помнишь?

Он сразу понял, о каком вечере речь.

— Помню.

Марина получила новый обеденный стол и хотела, чтобы мы оценили, как теперь просторно. Я поправляла под ножкой войлочную накладку, Андрей принес ножницы, а Сергей пошутил, что мне скоро начнут платить мебелью за ужин. Потом мы обсуждали летний отпуск. Андрей даже открыл на телефоне объявление об аренде дома возле реки и передал телефон мне.

— Мы весь вечер у вас просидели, — произнесла я. — Я еще Марину спрашивала, что с вами. Она сказала, ты устаешь на работе. А ты ведь слышал?

— Слышал.

— Сидел напротив. Сергей сидел справа от меня. Марина все время с ним шутила, а я ей рассказывала, как он у меня по утрам храпит. Андрей, ты сидел и слушал?

— Да.

— Ты мог выйти со мной на пять минут. Мог позвонить на следующий день. Ты знал, что мы с Сергеем планируем годовщину. Ты еще спросил, надо ли привезти стулья, если соберутся люди.

— Я знаю.

— Представляешь, как я сейчас вспоминаю тот ужин? Я одна там ничего не знала, а вы слушали, как я вам про отпуск рассказываю. Зачем вы вообще меня приглашали?

— Мы тогда еще пытались сохранить видимость обычной жизни. Я думал, что Марина прекратила с ним встречаться. Глупо, конечно. Она предложила не отменять ужин. Я согласился.

— Для кого видимость, Андрей? Ты-то уже знал.

Он не ответил. Подвинул чашку и положил руки на стол, сцепив пальцы.

— Ты права, я должен был тебе сказать. И тогда, и раньше.

— Я пришла сюда, думала, что хоть с тобой смогу поговорить. Вчера ты мне ответил, что знаешь, и я еще обрадовалась: слава богу, не мне ему эту новость сообщать. А ты...

Я достала из сумки платок. Ненавидела, что приходится плакать перед ним.

— Ты их защищал?

— Себя, наверное. Я очень хотел, чтобы все закончилось и дальше мы жили как раньше. Мне казалось, если они прекратят, то можно будет решить остальное потом.

— Остальное — это я?

— В том числе.

Я пыталась выловить из чашки ломтик лимона.

— Я тебе еще вчера сказала, что Марина приехала. Ты не удивился даже. А почему она вообще решилась? Ты с ней разговаривал перед этим?

— Мы уже не жили вместе.

Лимон упал с ложки.

— Что?

— Я съехал двадцать третьего апреля. Снял квартиру недалеко от бюро. До этого стало понятно, что она продолжает с ним встречаться. Мы еще раз поговорили, и я собрал вещи.

— Она мне говорила, ты на объекте. Я ей позавчера даже предложила заехать. А ты в другой квартире жил.

— Да.

— И за эту неделю ты тоже не нашел времени мне позвонить?

— Не нашел, — сказал он. — Вернее, откладывал. У меня твой номер был. Я несколько раз собирался набрать.

— Ну так набрал бы!

Он опустил голову. Я спрятала под столом дрожащие руки. Всю последнюю неделю принимала мебель в мастерской, таскала коробки, покупала продукты к празднику. Андрей уже ушел от жены. И все трое видели, как я готовлюсь к юбилею.

— Мне жаль, Лена, — произнес он. — Я поступил с тобой подло. Прости. Я понимаю, что сейчас это мало что меняет.

— Не меняет.

Я допила остывший чай и встала.

— Мне пора.

Он тоже поднялся.

— Я могу тебя довезти.

— Не надо.

Мы попросили отдельные счета. Андрей хотел возразить, но передумал.

У двери я остановилась, пока он надевал ветровку. Хотелось еще кое-что узнать, и я не была уверена, что смогу потом задать вопрос по телефону.

— Ты теперь с Мариной разводишься?

— Да. Мы это обсуждали.

— А Никита знает?

— Что разъехались, знает. Про Сергея пока нет. Я ему сам еще ничего не рассказывал.

— Я ничего ему не скажу, — произнесла я.

— Спасибо.

— Это для Никиты. Не для тебя.

Андрей кивнул. Я вышла из кафе и спустилась по ступенькам. Он не пошел следом.

На набережной открылась ярмарка. Я свернула к нижней дорожке, села на свободную скамейку и позвонила Сергею.

Он ответил сразу.

— Лен, привет. Я сам собирался набрать. Как ты?

— Ты девятнадцатого марта узнал, что Андрей в курсе?

Сергей кашлянул.

— Ты с ним разговаривала?

— Да.

— Зачем?

— Ты серьезно спрашиваешь?

— Нет, просто... Ладно. Я узнал не сразу. Марина через день или через два сказала.

— Девятого апреля мы ужинали у них. Вы оба знали.

— Лена, мы же договорились сегодня поговорить. Давай я приеду.

— Во сколько?

— После обеда, часа в два.

— Хорошо.

После разговора хотелось остаться на скамейке до вечера, лишь бы не возвращаться домой. По дороге купила молоко. Кассирша предложила вторую упаковку по акции, но теперь мне хватало одной на несколько дней.

Дома заставила себя поесть. Даше написала, что отец приедет за вещами. Она ответила: «Я рядом, если что».

Перед приездом Сергея я взяла лист бумаги и села за стол. Написала вверху «Что нужно обсудить», подчеркнула, а дальше долго сидела с ручкой. В голову приходили какие-то нелепые вещи: кому останется кофеварка, будет ли он забирать велосипед, надо ли отдать зимнюю куртку, которую мы в ноябре выбирали вместе. Я зачеркнула кофеварку. Потом подумала об общей квартире, накоплениях и мастерской. Уже не хотелось вести счет ложкам, пока мы даже не определились с жильем.

Квартира была нашей общей, ипотеку давно выплатили. Я могла оставаться здесь, но нужно было договориться, как платить за жилье, что делать с накоплениями и где в дальнейшем жить. За мастерскую я должна была внести арендную плату в начале мая. Впереди покупка материалов для гостиничного заказа и расчет с Верой.

Я достала папку с документами. В ней лежали свидетельство о браке, договор покупки квартиры, старые бумаги об ипотеке. Документы мастерской хранились отдельно. Я открыла свидетельство и задержала взгляд на нашей общей фамилии. Мне было двадцать два, когда я ее получила.

Я убрала свидетельство и записала на листе: «Документы. Расходы на квартиру. Накопления. Вещи. Развод». Последнее слово написала крупнее остальных, заметила это и перевернула лист, словно Сергей уже стоял у меня за спиной.

В четверть третьего Сергей написал, что будет через десять минут. Когда зазвонил домофон, я даже обрадовалась: он не открыл дверь собственным ключом.

Сергей вошел с пустым дорожным чемоданом на колесиках. Вчера он брал небольшую сумку, а этот чемодан мы покупали перед поездкой на море. Увидел меня, поставил чемодан возле шкафа и наклонился развязать шнурки.

— Привет.

— Здравствуй.

Он снял куртку и по привычке направился на кухню. Я взяла со стола чашку, пододвинула ему чистую, потом убрала обратно в сушилку.

— Садись, если хочешь. Сначала поговорим.

— Давай.

Сергей посмотрел на лист, лежавший надписью вниз.

— Что у тебя там?

— Вопросы. Чтобы ничего не забыть.

— Лен, ты как будто совещание собрала.

Я перевернула лист и положила перед собой.

— Мне так удобнее.

Он выглядел почти как перед обычной командировкой: побрился, сменил рубашку. Я ловила каждое движение, словно по тому, как он положит ладонь на стол, можно было определить, с кем провел ночь.

— Ты вчера действительно ночевал в гостинице? — спросила я.

— Да.

— Один?

— Один, Лена.

— Мы с Андреем виделись утром, — сказала я. — Он рассказал, что знает про вас с марта. Я хочу понять одну вещь. Когда Марина сообщила тебе, что он узнал, ты почему ко мне не пришел?

Сергей выдохнул и потер ладонями щеки.

— Мы тогда не знали, как все будет дальше.

— Кто «мы»?

— Я и Марина. Она собиралась с ним поговорить, я с тобой. Это все очень сложно.

— Она обещала Андрею прекратить отношения с тобой.

— Ну, обещала.

— Вы прекратили?

— На какое-то время меньше виделись.

— Что это значит?

— Лен, я не могу тебе сейчас рассказывать все подробности. Ну зачем? Мы только хуже друг другу сделаем.

— Друг другу?

Он осекся и положил телефон на стол экраном вниз.

— Я не собираюсь выслушивать подробности вашей постельной жизни, — сказала я. — Но мне важно понять, что ты мне говоришь. Вы не расстались. Правильно?

— Правильно.

— А когда Андрей ушел, ты знал?

— Марина сказала.

— И все равно собирался вчера праздновать.

Он откинулся на спинку стула. Долго смотрел мимо меня на холодильник.

— Я знал, что надо поговорить. Каждый день об этом думал. Я приходил домой, ты про кресла рассказывала, про подарок Даши. Что мне надо было сделать? Посреди кухни вывалить на тебя все это?

Я посмотрела на него с удивлением.

— Да, Сережа. Надо было посреди кухни. Где угодно. А ты до вчерашнего дня собирался, и все у тебя не получалось.

— Ты думаешь, я от этого получал удовольствие?

— Не знаю. Может, получал. На двоих женщин ведь время нашлось.

Он резко встал, прошел к окну и обратно. Я ожидала, что будет кричать, но Сергей лишь придвинул к себе стул и сел снова.

— Не надо так. Я не снимаю с себя ответственности. Просто я тоже живой человек. У меня были чувства к Марине, к тебе... И я не понимал, как это все разрубить.

— Зачем ты приехал с таким большим чемоданом? — спросила я.

Он мельком взглянул в прихожую.

— Ну, вещи забрать на какое-то время. Ты же сама попросила уехать.

— Надолго?

— Пока не успокоимся. Потом посмотрим.

— Я хочу развестись.

Сергей повернулся ко мне всем корпусом.

— Ты вчера еще ничего про это не говорила.

— Вчера я не могла толком ничего говорить. Сегодня могу.

— Двадцать пять лет, Лена. Мы что, за сутки все решим?

— Ты свои отношения с Мариной за сутки не решил. Полтора года было. Я больше не хочу так жить.

Он несколько секунд сидел неподвижно. Потом взял мой лист, подтянул к себе и прочел. На слове «развод» задержался, словно искал под ним еще какую-то запись.

— Давай хотя бы неделю друг друга не трогать, — предложил он. — Ты отдохнешь, я побуду отдельно. Потом спокойно решим.

— Я не прошу тебя прямо сейчас ехать подавать документы. Но я собираюсь это сделать. И нам придется договориться по квартире и деньгам.

— Ты уже и квартиру делить собралась?

— А где мы будем жить?

— Не знаю. Зачем сейчас решать?

Он произнес это с таким искренним раздражением, будто я требовала выбрать обои для квартиры, которую мы еще не купили. Но на этот раз откладывать разговор я не могла.

— Пока ты здесь не живешь, я остаюсь в квартире, — сказала я. — Давай хотя бы это решим.

— Хорошо. Я же не выгоняю тебя.

— И не приходишь без звонка. Если тебе нужны вещи, договоримся заранее.

Он вздохнул.

— Хорошо. Позвоню.

— За квартиру надо платить. Как раньше, пока не решим остальное?

— Конечно. Я переведу деньги. Господи, Лена, зачем ты так официально?

— Потому что вчера у нас уже был неофициальный разговор.

Я протянула ему список, попросила посмотреть, не пропустила ли чего важного. Сергей пробежал глазами первые строки и вернул лист.

— Я ничего у тебя забирать не собираюсь. И из мастерской деньги тоже не нужны. Давай не будем сейчас считать, кто кому что должен.

— Мы будем считать. Не сегодня, но будем. Я тоже не хочу, чтобы потом оказалось, что кто-то думал об одном, а договорились мы о другом.

Он пошел в спальню. Со стороны шкафа раздавался глухой стук вешалок.

— Ты не видела мои спортивные брюки? — крикнул Сергей. — Серые, с карманами.

— На нижней полке, справа.

Я ответила машинально, даже не задумалась. Знала, где лежат его вещи, какие лекарства он берет в поездки. А что я знала о нем самом последние полтора года?

В спальне на кровати уже лежали две стопки рубашек, джинсы и свитер, подаренный мною на Новый год.

— Документы твои где? — спросила я. — Паспорт, водительские, рабочие?

— Паспорт у меня. Остальное в портфеле. Я возьму еще папку с личными бумагами.

— Хорошо. Документы на квартиру пусть пока здесь лежат. Если понадобятся, сделаем копии.

Он посмотрел на меня поверх раскрытого чемодана.

— Ты мне не доверяешь?

Я подумала, что он опять задал удивительный вопрос. Даже не злой, почти обиженный. Отвечать на него подробно у меня не хватило сил.

— Пока нет.

Он больше ничего не сказал. Застегнул чемодан, достал из тумбочки зарядку и часы в коробочке. Я вышла в коридор, пропустила его к двери. Сергей остановился возле зеркала, сунул телефон в карман и оглядел прихожую, как будто что-то забыл.

— Даше пока ничего больше не говорила?

— Она знает, что мы расходимся.

— Может, вместе с ней потом поговорим? Чтобы нормально, без... Ну, без лишних деталей.

— Я поговорю с ней сама. А ты сам с ней договаривайся. Только не говори, что это просто ссора и мама сейчас успокоится.

— Я такого не говорил.

— Пока не говорил.

Он надел куртку, потянул к себе чемодан. Колесо зацепилось за край коврика. Сергей наклонился, поправил коврик ногой и выкатил чемодан на площадку.

— Лен, если что нужно, звони. Не сиди здесь одна все праздники.

Я закрыла дверь. На этот раз не плакала. Убрала с кровати забытый носок и застелила постель.

До вечера я занималась бумагами. Сверила аренду мастерской, выписала расходы на материалы. Резерва хватало на ближайшие платежи. На завтра поставила напоминание проверить остатки расходников.

Позже позвонила Даша. Я попросила ее приехать завтра. На вопрос, будем ли мы разводиться, ответила утвердительно. Дочь тихо сказала: «Понятно», хотя по ее голосу я слышала, что ничего ей пока не понятно.

После звонка я поужинала и поставила старую комедию, которую смотрела когда-то с мамой. Заметила на тумбе футляр с запасными очками Сергея.

Я сфотографировала футляр и отправила ему сообщение: «Забыл очки».

Он ответил: «Спасибо. Завтра заеду, если можно».

Я написала, что завтра утром дома, и добавила: «Ты далеко остановился? Могу оставить у консьержки, чтобы не ждать».

Сергей долго не отвечал. Потом телефон завибрировал.

«Я уже у Марины. Отсюда недалеко. Завтра заберу».

Я перечитала сообщение. Днем Сергей просил дать ему неделю, чтобы прийти в себя и решить, как нам жить дальше. Я так и не поняла, что еще он собирался решать.

Чемодан уже стоял у Марины.

Глава 3. Майские без гостей

Утром второго мая я оставила футляр с очками на обувной тумбе. Сергей обещал заехать к девяти, и мне хотелось, чтобы он забрал очки до моего ухода. Домофон зазвонил, когда я застегивала сумку.

Я открыла дверь и протянула футляр. Сергей приехал в той самой голубой рубашке, которую я выбрала ему к годовщине. Значит, забрал ее вчера с остальными вещами.

— Спасибо, — сказал он. — Без них за компьютером неудобно.

— Пожалуйста.

Сергей убрал футляр в карман куртки, но уходить не спешил.

— Даша сегодня приедет?

— Да, договорились после обеда.

— Она мне вечером звонила. Спрашивала, что случилось. Я сказал, что мы сами ей все объясним.

— Я объясню то, что касается меня. Ты ей расскажешь то, что сочтешь нужным.

— Только давай без подробностей, ладно? Ей же с этим дальше жить.

От этой запоздалой заботы мне захотелось спросить, когда он начал так беспокоиться о душевном спокойствии нашей дочери.

— Я помню, что она моя дочь, Сережа. Можешь не напоминать.

Сергей посмотрел на сумку у меня на плече.

— Ты уже уходишь? Ладно. Я вечером позвоню.

— По какому вопросу?

— Просто хотел узнать, как ты.

Я представила, как вечером зазвонит телефон, как я буду сидеть с ним у уха и рассказывать человеку, который теперь жил у Марины, что поела, устала, а в квартире почему-то непривычно тихо.

— Не нужно. Если что-то важное — напиши.

Сергей пошел вниз по лестнице. Я дождалась лифта и вышла следом, но у подъезда его уже не было.

Мастерская находилась на первом этаже старой кирпичной пристройки. Когда-то здесь была маленькая типография, от которой остались высокие окна, широкая дверь и подоконники, на которых можно было держать десяток банок с образцами. Помещение я нашла шесть лет назад. Сергей тогда проверил, не течет ли крыша, и сказал, что зимой здесь замерзнут даже тараканы. Хозяин заменил радиаторы, я утеплила окна, и к первой зиме тараканов у меня, к счастью, не завелось.

За дверью работало радио. Вера стояла у верстака и освобождала деревянную раму кресла от старого крепежа. Увидев меня, выключила приемник.

— Ну как юбилей? — спросила она. — Понравился мужу стол?

— Юбилея не было.

— В смысле? Кто-то заболел?

— Мы с Сергеем расходимся.

Вера отложила инструмент и посмотрела на меня, приоткрыв рот.

— Вот это новости. Лен, ты как вообще?

— Давай я тебе потом расскажу, если смогу. Сейчас не хочу.

— Хорошо. Может, тебе домой лучше?

— Мне и вчера хватило дома. Показывай, что у нас.

На дальнем верстаке лежали детали двух кресел. На внутренней стороне одной из царг сохранилось клеймо фабрики, почти стершееся от времени. Буковая рама, которую проверяла

Вера, выглядела вполне прилично. Снятую обивку Вера убрала в пакет: под ней было столько пыли, что мы еще при приемке решили работать в респираторах.

— Вот здесь угол гуляет, — сказала она. — Я пока не трогала. Посмотришь?

Мы сверились с фотографиями, сделанными при приемке, и отметили места, где еще предстояло удалить остатки клея. Четыре кресла заслоняли полку с инструментами, две скамьи стояли на козлах возле окна.

— Ольга вчера писала, — вспомнила Вера. — Спросила, не передумали ли мы насчет цвета дерева.

— Я видела. Сейчас ей отвечу.

Заказчица, владелица гостиницы, хотела сохранить рисунок дерева, но избавиться от темного глянцевого лака, которым прежний хозяин когда-то покрывал все подряд. Мы уже согласовали предварительные образцы, и мне оставалось подготовить два пробных участка.

Я ответила Ольге и взялась за работу. Вера включила радио. Первые полчаса я то и дело поглядывала на телефон; потом пришлось заняться неподатливым крепежом.

Лет десять назад, когда я только увлеклась реставрацией, мне казалось, что достаточно купить шлифовальную машинку и научиться красиво перетягивать сиденья. На первых своих стульях я испортила резьбу слишком жесткой насадкой. Старый мастер, у которого я брала уроки, долго ругался, а под конец принес негодную доску и велел сначала научиться портить то, что никому не жалко.

При разборке я с тех пор никогда не спешила. Подцепляла мелкие гвозди, складывала их в металлическую миску и вдруг сообразила, что уже почти час не думала ни о Сергее, ни о Марине. Мне стало приятно, а следом обидно: словно я ждала от себя более непрерывного горя.

— Чай? — спросила Вера.

— Давай. У меня еще минут десять.

Она принесла две кружки и открыла коробку с печеньем.

— Я спросить могу? — произнесла она. — Только одно. Ты сама решила уйти?

— Он ушел. У него другая женщина.

— Вот ведь... Извини. Я думала, у вас все нормально. Он же к тебе иногда приезжал, помогал.

— Я тоже так думала.

Она не стала выяснять, кто эта женщина. За это я была ей благодарна.

Ближе к часу Ольга перезвонила. Спросила, успеем ли мы подготовить образцы к середине месяца, потом вспомнила про ткань: ей прислали фотографии другой коллекции, возможно, стоит пересмотреть выбор.

— Давайте сначала проверим состав и плотность, — сказала я. — У вас гостиница, кресла будут использовать каждый день. Красивого цвета недостаточно.

— Вот поэтому я вам и звоню. Я уже однажды купила очень красивые занавески, которые нельзя нормально стирать. Сейчас пришлю артикул.

Мы договорились, что на следующей неделе она заедет в мастерскую.

— Ты вроде до обеда собиралась?

— Да. Даша приедет.

Я собрала инструменты и попросила Веру не пытаться за день разобрать оставшиеся кресла.

— Лен, если что, я завтра могу одна прийти. Захочешь — подъедешь. Мы тут не пропадем.

Я согласилась и тут же добавила, что, скорее всего, все равно буду утром.

По дороге домой купила дочери ее любимый шоколад с орехами.

Даша приехала в начале четвертого. Принесла букет белых хризантем, перевязанный зеленой лентой, и большой бумажный пакет.

— Мам, я пироги взяла. Не знала, что у тебя есть.

— Да у меня тут на полк солдат.

— Зато их можно заморозить.

Она обняла меня. От ее волос пахло фруктовым шампунем, точно таким, какой она выбирала еще в школе, только теперь покупала сама. Даша погладила меня по спине, отстранилась и посмотрела в лицо.

— Рассказывай.

— Сначала поешь.

— Не хочу. Мам, ну правда. Я уже два дня не понимаю, что происходит.

Я достала чашки. Даша принялась сдирать наклейку с бумажного пакета: когда она волновалась, ей непременно нужно было чем-нибудь занять руки.

— У папы другая женщина, — сказала я. — Они встречаются давно. Поэтому мы разошлись.

Она перестала ковырять наклейку.

— Давно — это сколько?

— Полтора года.

Даша смотрела на меня так, будто я оговорилась и сейчас исправлюсь.

— Ты ее знаешь? — спросила она.

Отвечать не хотелось, но если бы я скрыла имя, очень скоро дочь узнала бы, куда переехал ее отец.

— Знаю. Это Марина.

— Тетя Марина? Никитина мама?

Я кивнула. Она вскочила, прошла два шага к холодильнику и снова села, придвинув табурет к столу так сильно, что ножка стукнула о плитку.

— А дядя Андрей?

— Он уже съехал от нее. Знал об этом раньше меня.

— Господи. Мам, как это вообще... А она сама тебе сказала?

— Да. Перед юбилеем. Сергей все подтвердил.

Она взяла телефон. На экране я увидела список контактов.

— Даш, подожди. Давай сначала договорим, а потом позвонишь ему.

Даша положила телефон на стол и спросила, где теперь отец. Я сказала, что вчера он перебрался к Марине.

— Но он же не обязан был прямо к ней ехать! Мам, а если бы ты его не выгнала, он бы остался?

— Не знаю.

— А вы нормально говорили? Ну, без крика? Может, он вообще не собирался уходить насовсем. Может, вы бы... Я не знаю, поговорили еще раз.

Ее испуганная готовность найти способ сделать все снова привычным меня задела. Еще вчера я сама пыталась понять, как вообще могло случиться, что все наши планы в одночасье стали чужими.

— И что ты предлагаешь?

— Я ничего не предлагаю. Просто двадцать пять лет! Ты сама говорила, что у всех бывают трудные времена. Может, к семейному психологу сходить?

— Ты хочешь, чтобы я обратно его позвала из квартиры Марины?

— Мам!

— А как это должно выглядеть? Он приходит, снимает ботинки, садится ужинать, и мы начинаем обсуждать, почему ему со мной было плохо? Даша, он полтора года ходил от меня к ней.

Дочь отодвинула чашку. Чай выплеснулся на стол, и она схватила салфетку. Я поняла, что говорила слишком громко, когда увидела, как старательно она вытирает мокрое пятно, ни разу не подняв глаз.

— Я же не тебя обвиняю, — тихо сказала она.

Я забрала у нее салфетку.

— Прости. Я на тебя набросилась зря.

— Я просто не понимаю, куда теперь приходить, если у нас праздник какой-нибудь. Или мой день рождения. Мы же всегда у вас собирались. И Никита... Мне теперь с ним как разговаривать?

Она потерла лицо обеими ладонями. Пока я думала о том, как буду жить одна, Даша пыталась представить будущее без места, где неизменно встречала нас обоих. Даже поселившись отдельно, она оставила здесь книги и зимние вещи.

— С Никитой разговаривай как раньше, если вам обоим этого хочется, — сказала я. — Вы-то при чем?

— А он знает?

— Не знаю. Спроси у него самого, если захочешь. Только не выясняй через него, что там у его мамы с нашим папой.

Даша кивнула, но телефон так и не взяла. Потом спросила, собираюсь ли я подавать на развод. Я ответила, что да, хотя еще не выясняла, как и когда все оформить.

— А если папа передумает? — спросила она.

— Даш, я больше не хочу с ним жить. Он ведь может опять решить, что ему удобно быть здесь. Мне от этого ничего не станет проще.

Даша подперла щеку ладонью.

— Ясно.

— Ты можешь с ним видеться. Можешь ходить куда угодно, отмечать с ним праздники. Мне не нужно, чтобы ты отказывалась от папы.

— Ну вот как я сейчас с ним встречусь? Я же ему скажу все, что думаю.

— Наверное. Только решай сама, что ты хочешь сказать. Я за тебя уже сегодня достаточно наговорила.

За обедом Даша вспомнила, как в детстве раскладывала по краю тарелки ненавистный жареный лук. Сергей назвал ее композицию «солнечной системой картофельной галактики», и она чуть не подавилась компотом от смеха.

Мы обе замолчали, вспомнив один и тот же вечер. Потом дочь осторожно спросила:

— Мам, а квартиру вы тоже будете делить?

— Будем договариваться. Пока я остаюсь здесь.

— У меня на шкафу твой маленький чемодан. Помнишь, синий? Если надо будет куда-нибудь поехать...

— Даш, у меня еще есть чемоданы.

Она поспешно отрезала себе еще кусок пирога. Мне хотелось обнять ее и сказать, что все каким-нибудь чудесным образом останется на своих местах.

Мы пошли в гостиную, и Даша увидела отцовский стол без скатерти. Я сняла ее вчера вечером, а вазу с тюльпанами оставила. Дочь провела рукой по краю столешницы.

— Хорошо получилось. Прямо как у деда был. Даже этот сучок остался.

— А куда ему деваться?

— Ну вдруг ты его зашпаклевала. Папа же хотел, чтобы все гладенько было.

Даше с детства нравились все неровности этого стола. Когда она училась писать, обводила через бумагу древесные прожилки карандашом. Мы сели на диван, она показала мне новый проект для небольшой пекарни. Я сказала, что синие булки выглядят подозрительно. Даша

объяснила, что это вообще-то облака, а я опять вмешиваюсь в дизайн, хотя меня не спрашивали.

Перед уходом она достала из пакета шоколадку, которую принесла сама. Я принесла из кухни свою, точно такую же. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Даша взяла одну с собой, другую оставила мне. Уже в прихожей она вдруг вспомнила про подарок.

— Мам, мы же с Никитой вам билеты купили. На спектакль. Помнишь, ты зимой говорила, что хочешь сходить, пока его с репертуара не сняли?

Она вынула телефон и открыла письмо с билетами. Я еще в феврале предлагала Сергею сходить на комедию, которую нам хвалила одна знакомая. Он тогда согласился, а покупать билеты не торопился: хотел сначала посмотреть, не совпадет ли дата с рабочей поездкой.

— Я думала, если что, поменяем день, — сказала Даша. — Там всего один показ остался в мае. Можно попробовать вернуть.

— На какое число?

— На двадцать восьмое.

Я посмотрела на два соседних места в восьмом ряду. Дочь подняла на меня глаза и поспешно добавила:

— Ты не переживай. Мы с Никитой как-нибудь разберемся.

— А ты сама эту комедию смотрела?

— Нет. А что?

— Пойдем со мной. Если сможешь. Только у Никиты спроси, не против ли он.

Даша заметно повеселела, записала дату в календарь. Я тоже достала телефон, хотя раньше никогда не записывала в него наши с Сергеем вечерние планы. Просто напоминала ему с утра, чтобы не задерживался. Теперь до спектакля оставалось почти четыре недели. Не так уж много, если считать рабочие дни до сдачи кресел, и почему-то очень долго, когда я думала о том, что буду делать в ближайшее воскресенье.

После ее ухода мне захотелось позвонить и попросить вернуться. Я сдержалась.

Вечером Даша написала, что поговорила с отцом. Подробностей не сообщила. Я ответила, что люблю ее, и больше ни о чем не спрашивала.

На следующий день я осталась дома до обеда. Нужно было разобраться с деньгами. Сергей вносил большую часть расходов на содержание квартиры, оплачивал машину и поездки. Я брала на себя продукты, покупки для дома. Рабочие деньги старалась держать отдельно от личных, но при необходимости могла взять часть своего дохода и не задумываться, сколько останется до следующего поступления.

Я завела отдельную таблицу домашних расходов: квартира, связь, бензин, продукты, обслуживание машины. При проверке счетов обнаружила, что мы до сих пор платим за пакет телеканалов, которым давно не пользовались.

Суммы складывались в посильный, хотя и неприятный итог. Мы с Сергеем еще ничего окончательно не разделили, я не могла включать общие накопления в личный бюджет. Резерв мастерской не собиралась трогать ради домашних покупок.

Сергей перевел деньги на коммунальные платежи, как и обещал, когда приезжал за вещами. Прислал короткое сообщение: «За квартиру. Если чего не хватит, скажи».

Я написала «Спасибо». Хотелось сохранить хотя бы способность нормально вести общие дела. Но я представила, как он переводит деньги из квартиры Марины, и разозлилась.

За гостиничный заказ Ольга внесла аванс. Часть ушла на доставку и закупку материалов. Оставалось заказать ткань и рассчитаться с Верой. Сроки сходились, прибыль получалась приемлемой, если не возникнет чего-нибудь непредвиденного. Как правило, оно возникало: никогда нельзя было предугадать, что обнаружится под обивкой старого кресла.

Я разложила работы по неделям. Запаса оставалось немного, зато теперь у меня появились вечера и выходные, которые раньше уходили на семейные дела. Можно работать дольше,

даже взять небольшой заказ параллельно. Эту последнюю мысль я записала в ежедневник и несколько раз обвела ручкой.

Если получить остаток оплаты и найти еще одного заказчика на июль, можно было спокойно работать дальше. Я ведь сама нашла помещение, оборудовала мастерскую, привлекла клиентов. Почему же теперь должна была не справиться?

Третьего и четвертого мая мы отмывали детали, проверяли соединения, разбирали сиденья. Иногда я начинала фразу со слов «мы с Сережей» и сбивалась. Вера делала вид, что не заметила. К вечеру четвертого мая мы закончили подготовку первой скамьи к пробе покрытия, и я отправила Ольге фотографии.

Пятого мая на телефоне сработало напоминание: «Домик на июль. Уточнить предоплату». Мы забронировали большой дом за городом на неделю. Четыре спальни, терраса, спуск к реке. Дети собирались приезжать на выходные. Дом как раз обсуждали на том апрельском ужине, о котором я теперь старалась не вспоминать.

Деньги хозяину отправлял Андрей, мы с Сергеем перевели ему половину аванса. Я помнила, что в объявлении было условие об отказе от брони, но не сохранила переписку. Связываться по этому поводу с Сергеем не хотелось.

Я написала Андрею: «Привет. Вспомнила про дом на июль. Ты не знаешь, еще можно отказаться от брони?»

Ответил он минут через двадцать: «Привет. Да, до конца мая возвращают аванс. Я уточню у хозяина, сегодня напишу».

Телефон зазвонил, когда я снимала с верстака струбцину.

— Лен, удобно? — спросил Андрей.

— Да, говори.

Я прошла в маленький закуток возле входа, где стоял чайник.

— С хозяином поговорил, — сказал Андрей. — Если отменим сейчас, вернет деньги в течение трех дней. Он ждет подтверждения. Ты точно не хочешь сама туда поехать? Может, с Дашей или еще с кем-нибудь?

— Нет, отменяй. Куда мне сейчас такой огромный дом?

— Понял. Тогда верну тебе двенадцать тысяч, которые Сергей переводил за вас обоих. Или лучше ему?

Деньги перечислялись с карты Сергея. Мне не хотелось назначать себя получательницей возврата, а потом объяснять, почему так получилось.

— Ему, раз он переводил. Я с ним отдельно разберусь, когда будем обсуждать деньги.

— Хорошо. Напишу ему, откуда возврат.

Я уже собиралась попрощаться.

— А помнишь, как мы в прошлый раз дом снимали? На том берегу, возле старой пристани, — неожиданно спросил Андрей.

— Где Сергей колесо пробил?

— Где я колесо пробил. Серега потом на этом колесе еще километра три ехать предлагал.

В тот раз мы добрались поздно вечером и выяснили, что никто не взял штопор. Андрей полчаса возился с бутылкой вина. Сергей предлагал протолкнуть пробку внутрь, а потом нашел штопор в ящике со столовыми приборами.

— У хозяина штопор в ящике лежал, — сказал Андрей, словно вспомнил то же самое.

— Знаю. А ты уже почти всю бутылку по кухне размазал.

— У меня был технически грамотный способ.

— С ножом для масла?

— Он был достаточно прочный. Не надо наговаривать.

Я фыркнула, потом засмеялась. Вера выглянула из-за перегородки и вернулась к верстаку.

— Хорошо тогда отдохнули, — сказала я.

Смех прошел. Я вспомнила, как на той террасе мы сидели с Мариной под пледом, ели виноград, а мужчины спорили о рыбалке.

— Да, — ответил Андрей после небольшой паузы. — Хорошо.

Попрощавшись, я зачем-то снова открыла фотографию дома. На террасе стоял длинный стол на восемь человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.